

Дмитрий КЛЁСТОВ

**ЛЮБО,
ДОРОГО...**

Стихотворения

ДМИТРИЙ КЛЁСТОВ

ЛЮБО, ДОРОГО...

СТИХОТВОРЕНИЯ

Дмитрий Клёстов

*Юла содарила
землявона*

*Емгагемал
Бюметем*

*Сородонь
Сувачеиша*

*Сватор
Февраль
Ковь?*

ЦГБ
Ч/З

ИД «ЦБС
г. Гурьевская»

Кемерово
Кузбассуиздат
2007

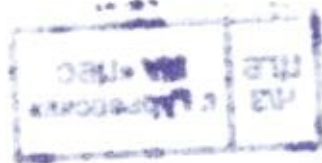
ББК 84Р7-5
К48

Клёсов Д.

К48 Любо, дорого...: стихотворения / Д. Клёсов. – Кемерово:
Кузбассвузиздат, 2007. – 79 с.

ISBN 5-202-00105-3.

ББК 84Р7-5

ISBN 5-202-00105-3

© Клёсов Д., 2007

© Издательство «Кузбассвузиздат», 2007

ОСТАВАЯСЬ СОБОЙ

Очередная книга Дмитрия Клёсова как бы продолжение разговора о времени и о себе, начатого в предыдущих сборниках. Завидное постоянство. Оно характеризует творческое кредо автора, его преданность выбранной тематике и манере изложения поэтического слова. Оно не несет в себе стилистических изысков, эстетических выкладок скучающего ума, пребывающего в праздной суетности, скорее — боль и тревогу, заботу о будущем и веру в незыблемые ценности человеческого бытия. Своего рода мировоззрение, основанное на эстетике обыденных ценностей.

Книга, на мой взгляд, вполне удачно скомпонована. Она вместила весь спектр художественной прозы автора: от лирико-философского пласта до социального и житейско-бытового. Отрадно, что поэт не пытается выпячивать себя в более выгодном освещении, а остается обычным человеком, наделенным всеми чертами русского характера, человека глубинки, которому свойственны и лукавинка, и житейская мудрость, и, что немаловажно, — желание зашибить деньгу, хотя бы промышляя плотницким делом. Удалось ли автору в полной мере выразить народную жизнь, душу народа — судить читателю.

Меня же, зная все книги Дмитрия Клёсова, радует появление стихов, как бы продиктованных мистическим мышлением:

*Поле зреющей пшеницы,
Августовские зарницы.
Ворон ждет большого грома
На коньке пустого дома.*

Емко и лаконично автор очень точно выразил тревогу за будущее русской деревни с ее деградирующим населением и вымиранием: заброшенные дома, одичавшие огороды и покосы и это несмотря на то, что вроде бы поля возделываются и урожайность возрастает, если слышать бодрые заверения официальных лиц. Ломается вековой житейский уклад. Приходят технологии, лишённые той культуры, которая приемлема только для этой земли, для ее природы и ментальности народа. Появление подобных стихотворений свидетельствует о неисчерпанном потенциале поэта. Да и тематический диапазон вселяет надежду на более успешную работу в будущем. Есть отправные точки, есть...

Вне сомнения, книга сложилась. Автору удалось сохранить свою индивидуальность, безо всякой позы и назидательности выразить свои взгляды на проблемы бытия и остаться понимаемым широкому кругу читателей.

В. Коврижных

Не ищу потаённого смысла
У житейской таежной тропы.
Изогнулась ольха коромыслом
И вершиною – ниже травы.
Оробела в тишайшем поклоне –
За какую греховную спесь?
Оглашенная птица трезвонит –
Неужели печальная весть?

Прогоняю досужие мысли,
На судьбину роптать не резон.
Изогнула судьба коромыслом –
Миру божьему вечный поклон.

* * *

В лубяной сторожке песосклада
Я пригрел мальчонку-конокрада.

Будто с настоящим человеком,
С ним делился хлебом и ночлегом,

Мыслями о праведном, о скверне
В нашей позаброшенной деревне.

В голове его мозгов не густо.
Поводок ременный недоуздка

Теребил мальчишка, словно четки,
Посылал меня к ядерной тетке

И в каком-то старческом молчанье
Целый день валялся на топчане,

А когда смолкали перепелки,
Оглашались топотом проселки,

Гнал свои мальчишеские годы
К перекрёстку скорби и свободы.

❖❖❖

* * *

Отзвонил и долой с колокольни.
Лезть из кожи – неведомо как.
Я – на Родине первопрестольной,
Всё минувшее сущий пустяк.

Окомёлок ольхи на поленья
Раскроит незабвенный топор,
И дымок над таёжной вселенной
Заструит добродушный костёр.

Пусть другой почивает на лаврах
И трезвонит в ударную медь...
Мне баклушами хлещет в литавры
По цветущему кедру медведь.

Смиренно живу.
И в годину лихую
Добром и любовью
Наполню стихи.
Бьют по щеке –
Подставляю другую.
Деревенеют
Мои желваки...

Вот я радея
О слоге высоком,
Стану тишайшим
И ниже травы...
Ветхозаветное
«Око за око»
Знали древляне
И были правы.

* * *

В апогее крошечного гнуса
Слеет жаркое лето в тайге.
Я на милую землю вернулся,
Из житейского выйда пике.

Эти руки и жадно, и споро
Раскряжуют седые стволы,
Запеваю птичьего хора
Станет «вжик» искрометной пилы.

Добрый промысел – божьему ровня,
Храму вечному – верной сестрой,
Милосердно воспрянет часовня
Над сибирской угрюмой тайгой.

* * *

Ни шатко ни валко,
Проблем никаких.
Любовь-приживалка
В хоромах моих.

Над городом – ветер,
На улице – грязь,
Бродила по свету
И вот – прижилась.

Я холоден брату,
Я мерзок отцу...
Счастливым, богатым
Поеду к венцу.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

На Весенней бравирует лето
Над холодным и пасмурным днём,
Будто каждая клумба согрета
Полыхающим Вечным огнём.

Луч проглянет – порхают стрекозы,
Солнце спрячется – явственней грусть.
Набегают непрошено слёзы,
Только я никого не стыжусь.

Подрастает былинное братство
И лиричных, и пафосных лип,
И не может наивным казаться
Из души моей рвущийся всхлип.

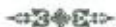

Мне какое дело,
Вроде, никакого –
Курица запела
Ровно полшестого,

Может быть, свихнулась
На курином горе...
Матушка проснулась
И взяла топорик.

Попутный ветер, солнце встреч,
И матушка тайга
То скинет легкий иней с плеч
В порыве ветерка,
То сизой дымкою костра
Разбередит тоску
И мне ни пуха ни пера
Морзянкой на суку
Тихонько простучит. Лыжню
снежком запорошит...
Костер сварганю, и — огню
Душа принадлежит.

ОСЕННИЙ ЛЕС

В своей изодранной одежде
Еще благоухает лес.
На зори теплые в надежде,
Но с дрекольем наперевес
Стволы натруженные гнет
Перед холодными дождями,
Уже привычная меж нами
Беседа легкая нейдет.
Мужчин-аскетов бес попутал,
Мужская дружба отцвела.
Нам просто хочется уюта,
А проще – женского тепла.

* * *

Ноябрь завернул стужей,
День подкузьмил снегопадом.
Тебе наречён мужем,
Он оказался гадом.

Ты же другими властвуй,
В меру люби и сохни.
И говори ему: «Здравствуй»,
Думая: «Гад, издохни».

«ЗФЕ»

* * *

На моей белоснежной Родине
Вихри всякие колобродили.
Посреди зимы морось-оттепель,
Непогодушка завернет теперь,
Или стынь-мороз по-над пашнями
Грянет вдруг по-сибирски, по-нашему.

НА ЕНИСЕЕ У КРАСНОЯРСКОЙ ГЭС

Как знать, как знать...

Осилит ворон, повернет ли вспять
Воздушную тропу над Енисеем?
Слежу за исключительной затеей.

Как знать, как знать...

Да есть ли в мире что-нибудь под стать
И норовом, и мощью исполину?
Но человеке выдумал плотину
Уверенно скомандовал: «Стоять!»

Потомков долго будет чаровать
Державных пихт неведомая рать –
Давно одушевленная природа
Мятежным духом русского народа,
Советская, родная благодать!

ЧАЙ

Закипает святая водица
Из серебряного ручья.
В ней святится трава-медуница,
Стебелек смородяжный томится,
И светлеют угрюмые лица
В ожидании питья.

Смоляные бока чифирбака
Опахнет опахалом дымка.
Запах смачно вдыхает собака,
Но вздохнет удрученно, однако,
И свернется подобьем клубка.

Не понять недогадливой псине
Повседневного имени – чай,
Что всегда на слуху и в помине,
С незапамятных пор и поныне
Люди хлещут, пока не остынет,
С торопливой командой «Давай!».

В ОВСЯНКЕ

Удалось воспарить на рассвете
Над могучей сибирской рекой
Там «Царь-рыба» запуталась в сетях
И в шахтёрской душе не покой.

Не принять ли монашеский постриг,
Чтобы из благородной толпы
Вдруг узрел нестареющий «посох»
Человека похожей судьбы.

Деревенька ухожена славно
Снеговеем сибирской зимы.
Вот бы мне притулиться к желанной,
Как её вековые холмы.

* * *

Перестану торить дорожку
На заснеженном тротуаре,
Встречу милую понарошку
И умчу на воздушном шаре.

Пусть она в подвесной корзине
Оробеет и даже плачет,
Легче мне в поднебесной сини
Бытовые решать задачи.

Пусть глазищами не буравит
Атаманши курносой вроде,
Ей в ребячьей толпе-ораве
Мною больше не верховодить.

С кем угодно кружится в паре,
Я нисколечко не ревную:
Я теперь на воздушном шаре
В небеса укачу любую.

❖❖❖

В осеннем лесу осиновом
Играючи топорищем
Он разорил осиное
Папирусное жилище.

Осы детишек нянчили
В легкой предзимней спячке,
Было им не до мальчика,
Вставшего на карачки.

Пахло все это пакостью,
Не шаловливым детством.
Осы взлетали и падали,
Как от разрыва сердца.

* * *

У проказника-внука
Поэтический толк:
Чем страшнее старуха,
Тем душевней восторг.

Остановится с каждой
И поведает враз
Вразумительный, важный
Весь словарный запас.

Будто знает секрет он,
Что в юдопи села
Та старуха Джульеттой
Для кого-то была.

Мудрость доброго света
Хоронится в душе...
Обо всем непоседа
Будто смыслит уже.

На крылах сарафанного радио
 Прилетела угрюмая весть:
 И людьми, и судьбою обкраденный
 Неприкаянный родственник есть.

Ах ты горе единоутробное,
 Как ты там, за кордонной чертой,
 Если я на мятущейся Родине
 Вроде первостатейный изгой.

Ты с повадкой на выгулы злачные,
 Равнодушный к большому труду,
 Я деньжонки умел заколачивать,
 А теперь понукаю нужду.

Не последние мы и не первые
 Доживаем священные дни,
 По великой Советской империи
 Тлеют косточки нашей родни.

Успокоится норов бродячий,
 Завершая извилистый путь,
 Захоронят тебя по-собачьи
 Кто-нибудь,
 где-нибудь,
 как-нибудь.

У КОСТРА

Коробится коростой
Брезентовая роба,
И корчится береста
В конвульсиях, как злоба.

А в котелке дымится
Заварка зверобоя,
И не на что сердиться
В час вешнего покоя.

* * *

Распались стаи воронья,
Теперь у каждого своя
Семья и молодая жизнь:
Лукаво мудрствуй и плодись.

И каждый ворон нынче хват —
Чужие гнезда нарасхват,
Чужая собственность — ничья,
Зато добыча для воря.

Я не завидую жулью,
Но так же к своему жилью
Вороной серенькой лечу
И выделяться не хочу.

ЭТЮД

Поле зреющей пшеницы,
Августовские зарницы.
Ворон ждет большого грома
На коньке пустого дома.

Хитер бобер.
Его топор
Умен, и повок,
И остер.

В воде построил
Водоград,
Шалаш, плотину,
Водопад.

Нашел невесту
По душе
И бредит
Раем в шалаше.

МУРАШАТА

На тропинке муравей
Потопрапливал детей,

Много разного народца
На пригорке соберется,

Чтобы ягоды малины
Рвать в большущие корзины.

Ну-ка, детушки, за дело,
Наша ягода поспела.

* * *

Я отдыхаю на «Канарах» —
Сбылась дурацкая мечта:
Здесь канареек желтых пара
И попугайчиков чета.

И в бледно-розовой чешуйке
Стволы неведомых деревьев,
И девушка в прозрачной чуйке
Сидит, однако, присмирив.

А от жары рубашка взмокла,
И млеют косточки мои,
И в замороженные стекла
Стучат ревниво воробьи.

Самонадеянным бароном
Живу, спокойно на душе,
И попугай, как вороны,
По-русски каркают уже.

Индевеют палатки
 Среди старых берез,
 В огоньковом распадке
 Утром жахнул мороз.

Неожиданной стужей
 Прошибает до слез,
 Даже – трубочкой уши,
 Даже – свёколкой нос.

Заморожены песни
 Перепуганных птиц,
 И цветы в мелколесье
 Пали, квелие, ниц.

Замороченный горем
 В огоньковой судьбе
 Я уйду косогором
 По медвежьей тропе.

Возвращусь и... ослепну
 От земной красоты:
 Словно Феникс из пепла,
 Возродились цветы!

Н. Батюку

Наливай, Николай, до краев
Вразумительного нектара.
Панорама далеких Мысков
Открывается нам с крутояра.

Своенравная речка Мрассу
Излучается светом излучин.
Мы с тобой на державном мысу
Дети-пасынки самой могучей.

Вон под нами забытый челнок,
Догнивает на берегу трудяга.
Двухпудовый креститься ты мог,
Нынче стопка заветная в тягость.

Но к чему тягомотина слов
Обладателям божьего дара,
Наливай, Николай, до краев
Вразумительного нектара.

То ли вызов, то ли зов
 Забубенной воли,
 Мне захочется в Азов
 Просто на гастроли.

Под навесом камыша
 Беленькие сенки,
 И бурлит во мне душа
 Атамана Стеньки.

Баламутят тихий Дон
 Резвые мальчишки,
 А в груди тяжёлый стон
 Мелехова Гришки.

Горемычное «эх, бля»
 В забубённом крае,
 Лишь побаска Щукаря
 В воздухе витает:

Обмелел казачий круг,
 Стал бедней и проще,
 Как дамоклов меч, каблук
 Разлюбезной тещи.

* * *

Струится из окон плавный
Вечерний духовный стих:
Сибирские Ярославны
Оплакивают родных.

Знать, так повелось издревле:
Российская плач-душа
Солдатками всей деревни
Очистится сообща.

Немыслимая работа,
Тяжёлый крестьянский быт...
И вот тенорок с причётом,
И вот баритон навзрыд.

И снова душевный трепет
Испуганным воробьём,
Метнувшимся из застрехи,
Вибрирует над селом.

* * *

Неуютно душе в остывающем теле,
И покинуть его не приспело пока:
От младенческой зыбки к покойницкой келье
Чабрецом путь усеян и тёрном греха.

Не взывал человеке ни к чёрту, ни к богу,
Правду-матку рубил, словно шашкой сплеча.
Может быть, оттого пред небесным чертогом
Оробела душа, растерялась душа.

Он работу любил и работал, сгорая,
Он познал подземелий грохочущий смрад.
На Российской земле вовсе не было рая,
Неужели опять уготовано в ад?

НЕЯСЫТЬ

Бор Бачатский – подарок,
Вроде манны небесной.
Вот неясуть-подранок
На поляне воскресла.

Ниоткуда возникла,
Застонала, как леший,
Словно мальчик-заика,
Ойкнул я и опешил.

Мурава с повиликой
Вся примята под корень,
Словно россыпь брусники,
Рдеют капельки крови.

Клюв совы изувечен
И ничуть не опасен,
Крик души бесконечен:
Ах, неясуть, неясуть.

* * *

Памяти матери

Избушка, приветь побирушку,
В окошко стучится, приветь.
Она угодила в речушку
И ночью могла умереть.

Не зная таёжной дороги –
Не миновать польньи,
Но странницу выведут ноги
На тёплые окна твои.

Ты скинешь тяжёлые чуни
С её костенеющих пят,
А в печку дровишек подсунешь,
И пусть они жарче горят.

Молиться ты встанешь с зарёю
За лучшую долю людей
И чтоб не отправить с сумою
По белому свету детей.

Когда ты слаб и суеверен,
Найдётся силушка дюжа,
Хомут, седёлка и вожжа –
Вези возок, похматый мерин.

И шею взмыленную горби,
Не смей копытами брыкать,
А с удовольствием жевать
Хозяйские объедки в торбе.

❖❖❖

* * *

То земельку, то глину, то щебень
Я попатой беру штыковой,
Мне щегол недокучливый щебет
Проронит мимолётно порой,

Да мои завсегдаи-други
Незловиво хохмят иногда,
Мол, единственный дурень в округе –
Разве в сопке бывает вода.

Пусть злословит народ вездесущий,
Я-то знаю, земелька не зла,
И копаю колодец насущный
С недокучливой песней щегла.

◀:ЗФЕ:▶

* * *

Друзья-горемыки сдирали корьё —
С кустов тальниковых дубильное лыко,
А их обдирало крутое хамьё
Петра-недотёпу и Юрку-заикку.

Ножи да кастеты
В разбойных руках:
А денежки ваши,
Ребятюшки, швах!

И снова приятели в поте лица
В лесу добывают свой хлебец насущный.
Весёлую правду друзьям-молодцам
Навеют таёжные кущи:

Ножи да кастеты
В разбойных руках,
А Петька по ним
Из обреза бабах!

Не важно, однако,
Попал не попал,
Ведь Юрка с тех пор
Заикаться не стал.

• • •

Безобидный паучок –
Ядовитая фаланга –
Мне забрался под бочок
И пригрелся, ну и ладно.

В голове моей возня,
Мысли, как в угаре:
Приласкать его нельзя
И нельзя ударить.

ФОТО НА ПАМЯТЬ

Неумело и неуклюже,
Смеха ради, чертям назло
Я в межгорье сажусь верблюжье –
Трепыхающее седло.

Ну-ка, кляча, давай, позируй!
Изумлённых зевак маня,
Покажи азиатскому миру
Падишаха востока – меня.

От диковинок Туркестана
До серебряных русских вод
Мне любая наложницей станет
И за благо ещё сочтёт.

Будет ластиться суетливо,
Неумело скрывая грусть,
Вспыхнет лампочка объектива –
К жёнке праведной возвращусь.

ПРИХОДИ НА СТРОЙКУ

Приходи ко мне на стройку ночью,
Приготовил я тебе подарок:
Звёзды нашей улицы рабочей,
Яркий фейерверк электросварок.

Приходи, тебе подъёмным краном
Месяца кольцо смогу достать я
И лоскут вечернего тумана
Оторвать на свадебное платье.

Приходи, мой адрес недалёкий:
С плотницкой бригадой – в поднебесье,
Где ложатся блоки, словно строки,
В дом большущий – в радостную песню.

Приходи ко мне на стройку ночью,
Подымайся на крутое зданье
И любуйся до утра воочию
Этой ночью – ночью созиданья.

* * *

Он упал под копыта
Заезженной клячи,
Окрестила джигитом
Ватага ребячья.

Сиганул, словно стриж,
В омуток с крутояра,
И девчонка бесстыже
Его целовала.

Он судачит с апломбом,
Вскинув бережно руку,
Он с отличным дипломом
Завершил фэззуху.

Респектабельным видом
Обеспечен под солнцем,
Стал заядлым джигитом
И удачным альфонсом.

НА ФИНСКОМ ЗАЛИВЕ

Стезя кривая привела:
На феерическом закате
Меня, как некого посла,
У пирса поджидает катер.

И судьбоносный путь вершат
Мне предначертанные буи,
И всеми фибрами ликует
Моя сибирская душа.

Розовощеки и крепки,
Тепло приветствуют впервые
В матросках белых моряки –
Телохранители России.

Когда заскрипит, запылит
 Азартная зимняя стужа,
 В запасе оставшийся грошик
 Потратит старик на пичужек.

В своей домотканой рубахе
 Он брякнет железной посудой,
 Голодные глупые птицы
 Слетятся к нему отовсюду.

Над крышей старинного дома,
 Над серой оградой дощатой
 Вспорхнёт переливчатый гомон
 Воспрянувшей стаи пернатой.

В начале прохладного мая
 Настигла обычная участь:
 Его, не особенно мучась,
 Зарыла толпа небольшая.

Тому благодарный свидетель,
 Я видел пригожее чудо:
 На кладбище птицы, как дети,
 Слетелись к нему отовсюду.

СОВЕТСКАЯ ФАЗАНКА

На работу идут греботёсы,
В шепелявых зубах папиросы.

Вороватыми смотрят глазами –
Топорки у них за поясами.

С Волги-матушки, тихого Дона
Безотцовщина да из детдома.

Государственные фуфайки –
Фэззушники это, хобзайки.

Присмотрела Отчизна, пригрела
Для насущного, общего дела.

Есть жильё и кормежка от пуза
И великая стройка Союза.

• • •

А в Сибири моей – слухи
Да весна всюду черномазит,
Прилетели грачи-духи
Из горячих, горящих Азий.

Приютил их великан-тополь:
Разразились небеса граем,
Корма во поле полно – пожай,
Да пребудет пусть Сибирь раем.

Ничегошеньки болезным не жалко,
Вейте гнёздышек своих тыщи,
А вернутся холода – свалка,
Даже свалка одарит пищей.

Обезножила хохлатка,
Опустила крыльшки,
И жилось-то ей не сладко
Под дырявой крышею.

Куры сытые – зазнайки
Бьют хохлатку похода.
Выйдет старая хозяйка,
Поглядит, поохает:

Ах, проклятые стервозы,
Что вы с нею сделали.
И смахнёт скупые слёзы
Рукавами белыми.

Ко груди прижмёт на время,
Думку покумекает.
А петух всему гарему
Гордо кукарекает.

❖❖❖

С полынного откоса,
Из-под кустов терновника
Влетел он под колёса
«Урала»-многотонника.

Водитель не причастен
К делам непредсказуемым,
И не было несчастье
Законом наказуемо.

Зверёк-самоубийца
Не стоит сожаления...
А хочется напиться
До умопомрачения.

ОЧАГ

В огоньковых лугах,
На изгибе ручья
Я порушил очаг,
Что когда-то лепелял и холил.
Сколько песен задорных
Здесь пропели друзья,
Шашлычком да «Зубровкой»

Насытившись вволю.
Одолели меня
Бомжеватые воры,
Изгалялись и гадили,
Грабили, жгли.
Я нигде не встречал
Добродушной соседнего бора,
Я не встречу уже
Благодатней вот этой земли.

Трясогузка моя,
Молчаливая птаха,
Ты своих сорванцов
Подняла на крыло.
Мне жилище твоё
Под застрешною плахой,
Извини меня, птаха,
Время рушить пришло.

Мощи спрячу свои
Я в бетонное логово,
Этот искони русский очаг —
На дрова...
Воздаётся судьбой
Богу — богово,
Мне крестьянину —
Трын-трава.

* * *

Позу

Вхопостую – выстрел
Канул в небе синем,
Вновь ты мечешь бисер,
Понимая – свиньям.

Все тебе по силам
На большой пирушке,
Хрумкают красиво
Бедолаги-хрюшки.

* * *

Взыграла опять надолго
Во мне молодая сила:
Меня телеутка Ольга
Плотничать пригласила.

Крутится баба белкой
С умыслом и со смыслом:
Спутниковая тарелка
Над домом её зависла.

Мобильник пищит в кармане,
Модная сигарета...
Стало ей тесно в бане,
Срубленной при Советах.

Женщину и в Союзе
Горки не укатали –
Глянется ей джакузи –
Баба при капитале.

* * *

Потерялся мужик-горемыка,
Чист одёжкой, праведный ликом.

По чужой ли, по собственной воле,
Может, вытает где-нибудь в поле.

Ниоткуда свалились напасти:
Непригоден мужик на запчасти.

Не водились в карманах деньжонки
И не сохли о нём старушонки.

По затейливой нашей округе
Не гуляли враждебные вьюги.

Потерялся. К чему бы всё это?
Нет в душе православной ответа.

ИГЛА ДИКОБРАЗА

Попутчик мой на все мои вопросы,
За что, и где, и сколько отсидел,
Курил, смакуя жадно, папиросы
И всё куда-то в сторону глядел.

Трясло машину, крытую брезентом,
И ветром не проветривало нас.
«За кражу, что ли? Может, алименты?» –
Тянул я из попутчика рассказ.

Он, как бирюк, не обронил ни разу
Ответа, ожидаемого мной,
Нашёл в песке иголку дикобраза
На остановке получасовой.

И желваки надменные вращая,
Мне подает, не разомкнув уста.
А видится мне шайка воровская
И наркота.

ПИСЬМЕНА

Сам блаженный, сам юродивый
Через тыщи вёрст ко мне
Посыпает иероглифы
В каждом мамином письме.

Служба-лямка, чтоб ты сгнула
В чужедальные края.
Уж давно невеста кинула
И гражданские друзья.

Тяжко сплужится и вроде бы
Жить красиво на миру.
Что ты пишешь мне, юродивый,
Я никак не разберу.

Избы светлые соседние,
Ты, торчащий из рванья,
Звуки нечленораздельные,
Вот и всё, что помню я.

Несусветная нелепица
В малахитовой траве...
Неужели память теплится
В никудышной голове?

А вот жаждет с нетерпением
Сердце чёрствое моё
Вроде как благословение –
Наивысшее – твоё.

МАУГЛИ

Уже мусолит папироску
Таёжный бородатый гид,
И мы, умаянные в доску,
Бросаем наземь реквизит.

Искра обнюхала растопку
Бесхитростного костерка,
Мажорный джинн стучится в пробку
Прихваченного пузырька.

Курится дымка по урёме
И лиственной, и черневой,
И речь стихает в полудрёме
У комля пихты вековой.

Ленивые витают мысли
По загогулинам души.
Вдруг наши челюсти отвисли
И мы схватились за ножи.

Ошпарит круто «жисть-жистянку»
Эпоха нищих и калек...
На нашу скатерть-самобранку
Свалился получеловек.

Исчадьё ада или неба,
А впрочем, скверное – оно,
Оскалясь, схватит булку хлеба
И недопитое вино.

Метнётся в сторону чертёнком,
И мы, осмелившись, потом
Трусливый дух переведём,
Заулюлюкаем вдогонку.

Любо, дорого, мило
Созревают покосы,
Рядом, около, мимо
Бомбардируют осы.

А удачливый овод
Прожигает рубашку.
Мне бы речку да – в омут,
Да с разбегу – вразмашку.

Да измазаться илом,
Да обвешаться тиной,
Да с девчоночкой милой,
Да в реке – пескариной.

* * *

В сторожке, на рогожке
Прилёг дедок с дорожки,
Свернул бушлат Данила —
Ногам чтоб мягче было.

Под голову — чурбак,
Мол, обойдётся так.

То высота крутая,
То леденистый брод,
Ногам она — дурная
Покоя не даёт.

* * *

На вершине пригорка,
На осиновом пне
Тосковала тетёрка
По безбедной весне.

Ослабели морозы,
А весна не видна.
Семя белой берёзы
Заронила она.

На трухлявых подмостках
Зыбучего пня
Хорошеет берёзка
Ярче день ото дня.

На гнилом пьедестале,
Высоком, крутом...
Страшно даже представить,
Что же будет потом.

* * *

Откукует кукушечка скоро
На опушке старинного бора,
Насчитает лихие години,
Не осилить мне и половины.

Но коснётся коса травостоя
На макушке Петровского зноя,
Да нальются медовые злаки —
Я забуду кукушечьи враки.

И забудет родная сторонка,
Но овсянка — приёмная мать
Будет нянчить её кукушонка
И научит по жизни порхать.

Подарила бублик
Молодая кобра,
Холостяцкий кубрик
Да собачий коврик.

Глиняную миску,
Чугунок под кашу.
Заведу я киску,
Сибирячку, нашу.

Пусть живёт, как хочет,
Делает, что знает,
Ноготочки точит,
Только не кусает.

Люблю грозу в начале мая...

Ф. Тютчев

Люблю грозу над гладью водоёма,
Пока ещё разведочного грома
Раскаты шаловливые вдали.
Из бора жмёт спрессованным озоном,
И каждый кустик наэлектризован
Могучим притяжением земли.
Всё ближе грозовая канонада,
И скоро жахнет полудюймовым градом,
Ища слабохарактерную цель,
А я всё дальше, дальше заплываю,
И бьёт по мне литая, ледяная
И, вроде, настоящая шрапнель.

Мне кажется: я в мире что-то значу
И в струях тепло холеное прячу,
На глубину всё чаще уходя,
Возлюбленным и нетрусливым сердцем
Я восхищаюсь мощным громовержцем
И ангельскими перлами дождя.

❖❖❖

Медведю Майклу из берлоги
санатория «Кедровый бор»

Медведко – пожизненный узник,
В полоску и небо, и пес.
Я твой молчаливый союзник
Из родственных, в общем-то, мест.

Ты пробуешь выломать клетку
Недюжинной силой своей,
Могу я поплакать в жилетку
Об участи горькой твоей.

Окутал грибные полянки
Кипрея сиреневый дым,
Снуют черно-бурые самки,
А мы равнодушные к ним.

Дурманит малиновый запах
Печёнки другому зверью.
Никто нам похматую лапу
Уже не протянет свою.

Взревём по-хорошему, что ли,
Чтоб в душах вибрировал рык.
Нам нечего делать на воле,
Забывшим таёжный язык.

На плитах бетонных остыпи
Звериные чувства твои,
Стальные клыки притупились,
А когти дерьмом обросли.

У ПАМЯТНИКА «ЦАРЬ-ПЛОТНИК»

1

Притулился я на корточках
Возле плотника-царя
По-простецки, по-рабочему,
Тоже плотник-сибиряк.

Не унижен, не обижен я
В непростом моём краю:
Строю я дворцы и хижины,
Баньки русские рублю.

Для благого омовения
Нашей русской гольтыбы
И горжусь до умиления
Даром плотницкой судьбы.

2

Возвожу хорошее жилище
За свои непостные харчи,
Чтоб не задымилось топорище,
Поплюю в ладони горячи.

Чтоб оно, граненное мозолью,
Руки торопливые не жгло,
Не с такой уж заскорузпой болью
Ровный кант по брёвнышку вело.

Моложаво, весело, игриво
Вспыхнут грани из-под топора.
Я намедни глупый и счастливый
Гостевал у плотника Петра.

Поджидал у Невского причала
Флибустьеров нынешних фрегат.
Дрожь холопа челюсти сковала,
Лишь узрел его державный взгляд.

Только зря сердчишко трепетало,
Кольшеч, поставив на попа,
Он тесал, у ног его блистала
Та же запашистая щела.

ПОПУТЧИЦА

Забудусь. Ладонь в подбородок,
Бездумными думками к ней.
Таких я не видывал сроду
В лазурной Сибири моей.

Глазами безвольно уставлюсь
В очаровательный лик.
Дерзай, бородатая старость!
Ищи сопричастье, язык.

Скупые крестьянские грядки
За мепьтешащим окном.
Раскройся, душа азиатки,
Пригрейся на миг, без оглядки
В простуженном сердце моём.

Порхаешь, как чёрная птица,
Сражая друзей наповал,
Такие красивые лица
Облюбовал криминал.

Судьба ли подносит подарки,
Мне бес ли стучится в ребро.
Ты грохнешь меня в аквапарке,
А может, в столичном метро.

Подняться, да хлопнуть бы дверью,
Да выйти на первой версте,
А я безалаберно верю
Спасающей мир красоте.

Заклинаю, прошу, молю,
 Жёлудь-семечко, дай росточек
 В благодатном моём краю,
 В хлопотливом краю рабочем.

Как я долго из глубины
 Руд серебряных и свинцовых
 Посох гнул к берегам Невы
 И к фонтанам петродворцовым.

Из глухой гольтьбы-нужды
 Беспросветного горя-гиха
 Забрести, как домой, в сады,
 Затеряться в дубравах тихих.

Мой язык и коряв, и сух
 От нахлынувших впечатлений:
 В каждом дереве русский дух
 И могучий российский гений.

Жёлудь-семечко, прорасти,
 В прародителе столько силы
 Да на сотках моих шести
 Доброй памятью прорасти
 Града Питера и России.

В НЕКРОПОЛЕ

Во благо, вопреки ли всенародно
Я фанатично не склоняюсь ниц...
Среди роскошных, мраморных гробниц
Тлетворный запах русского бомонда.

Зачем опять я прихожу сюда,
Здесь каждый склеп для пониманья труден,
Нагайка, зуботычина, шплицрутен –
Вот искренность монаршего труда.

Судить других не фунт изюма скушать...
И кроме императора Петра,
Никто из власть имущего двора
Так не проник проникновенно в душу.

Здесь тяжело. Другое люблю мне:
Простор, свобода, щедрое светило
И смерда неизвестного могила
В берёзовой душистой стороне.

• • •

На Мойке двенадцать. Я около
Предсмертных страданий его.
Далёкая тройка процокала,
Умчала российского сокола,
И в комнате нет никого.

Свое отлюбили, отрезили,
Чужого не прихватить.
Высочайшая Светлость Поззии
Уехали по свету жить.

* * *

Снова день погожий
В нашей полосе,
А листы, скукожась,
Облетели все.

Изморось да иней
В надлежащий срок
Ягоде калине
Подсластили сок.

Закрома успели
Подытожить труд,
Вот и свистели
Нынче тут как тут.

ПИЛА

Когда в потоке дел заминка,
Я ублажить её готов –
Пилу-кормилицу с щербинкой
Среди сверкающих зубов.

Она крепильщика-шахтёра
Лелеяла день ото дня,
Хоть жизнь брала в крутые шоры
Нерасторопного меня.

Она учила между делом:
Вгрызаться в толщу твёрдых тел
И одарить меня уделом,
Чтоб не остался не у дел.

* * *

Улепetyвают дни.
Завихренивает осень,
Расчищая между сосен
Трассу будущей лыжни.

Иглы терпкие свои
Омолаживает хвоя,
Белоснежного покоя
Ждут приятели мои.

Ты в распутице-грязи
Занемог на полдороге
И напрасно ждёшь подмоги
Тачку тяжкую везти.

Сядь, пожалуй, отдохни,
Разведи беду руками...
Счастлив тем, что жив покамест.
...Улепetyвают дни.

Холю резвых коней,
Холю ласковых баб,
Поле-полюшко и
Притаёжные чащи.
И кошель мой не тощ,
Сам в коленках не слаб,
Я цепляюсь за век уходящий.

Удручённо дурачусь,
Тщеславием тщусь:
Искрой божьей зажечь
Костерок настоящий
И вспорхнуть над тобой,
Светозарная Русь,
Сизой дымкою
Пихты горящей.

* * *

Я топором взмахну и крякну.
(Мне дело это по зубам.)
И годовые кольца кряжу
Пересечёт глубокий шрам.

Крепись, увесистая чурка,
Несокрушимый делай вид.
Трещит игривая печурка,
И банька русская дымит.

Окно обильно запотело,
Вдыхаю и не надышусь.
Задорно крякая, по телу
Я свежим веником пройдусь.

До одури, молодцевато
Я исхлещу все мощи всласть,
Водой хоподной из ушата
Я обольюсь, перекрестясь.

И тело розово обмякнет,
Иду на воздух, чуть дыша,
А стопку поднесут, и крякнет
Достойно русская душа.

ВЗРЫВНИК

Торопливо, не трусливой прытью,
Я шагаю к доброму укрытию.

Позади, в расщелине породной
Полыхает шнур огнепроводный.

Искрами всё ближе к аммоналу,
Жахнет вдруг! – скалы как не бывало.

Станет в небе облако метаться,
И земля, и воздух колыхаться,

Сверху падать острые каменя
За мои лихие прегрешенья.

Но меня, как друга-ротозея,
Смерч взрывной по капле не рассеет.

Не хочу я быть распятым взрывом
На лугу до одури красивом.

Золотая пора.
 Нам пока ещё в пору
 Озорной крутизны
 Молодецкий подъём:
 Мы сегодня взойдём
 На неё – соколиную гору,
 И вздохнём,
 И замрём,
 И, быть может,
 Немного взгрустнём.

Шепчут губы твои
 То ли мне, то ли городу:
 Здравствуй!
 Мы с горячего камня
 Прогоним орла...
 Натянул тетиву
 Здесь когда-то
 Кочевник скуластый,
 И, где юрте стоять,
 Там упала стрела.

А потом. А потом
 Бледнолицый придумал молоха
 И кочевника в жертву принёс,
 И себя.
 Вот и мы присягнули
 На верность фабричному смогу
 И клянёмся ему,
 В нём отечество наше любя.

На соседней горе
От подвижника-деда
Ни могильного камня,
Ни куста, ни креста.
И на жизнь свою грешную
Сетуй не сетуй,
И смотри не смотри
Настороженно в омут пруда.

Не оставим и мы:
Ни строки, ни картины, ни звука,
И бессмертье – каприз
Добродушных людей...
Но сюда непременно
Влюблённого внука
Приведёт озорная
Ватага друзей.

СОДЕРЖАНИЕ

Коврижных В.	
Оставаясь собой... .. 3	«Напивай, Николай, до края...» 31
«Не ищу потаённого смысла...» 5	«То ли вызов, то ли зов...» 32
«В пубяной сторожке лесосклада...» 6	«Струится из окон плавный...» 33
«Отзвонил и далой с колокольни...» 7	«Неуютно душе в остывающем теле...» 34
«Смирению живу...» 8	Неясить 35
«В апогее кромешного гноса...» 9	«Избушка, приветь побирушку...» 36
«Ни шатко ни валко...» 10	«Когда ты слаб и суеверен...» 37
У Вечного огня 11	«То земельку, то глину, то щебень...» 38
«Мне какое дело...» 12	«Друзья-горемыки сдирали корьё...» 39
«Попутный ветер, солнце встреч...» 13	«Безобидный паучок...» 40
Осенней лес 14	Фото на память 41
«Ноябрь завернул стужей...» 15	Приходи на стройку 42
«На моей белоснежной Родне...» 16	«Он упал под копыта...» 43
На Евисее	На Финском заливе 44
у Красноярской ГЭС 17	«Когда заскрипят, запорошит...» 45
Чай 18	Советская фазанка 46
В Овсянке 19	«А в Сибири моей – слухи...» 47
«Перестану торить дорожку...» 20	«Постарели, разъехались, умерли...» 48
«В осеннем лесу осиновом...» 21	«Обезножила хохлатка...» 49
«У проказника-внука...» 22	«С польного откоса...» 50
«На крылах сарфанного радио...» 23	Очаг 51
У костра 24	«Вхолостую – выстрел...» .. 52
Распались стан воронья 25	«Взыграла опять надолго...» 53
Эпид 26	«Потерялся мужик-горемыка...» 54
«Хитер бобер...» 27	Игла дикобраза 55
Мурашата 28	
«Я отдыхаю на «Канарах»...» 29	
«Идеветют палатки...» 30	

Письмена	56	Попутница	67
Маугли	57	«Заклинаю, прошу, молю...»	68
«Любо, дорого, мило...» ...	58	В Некрополе	69
«В сторожке, на рогожке...»	59	«На Мойке двенадцать. Я около...»	70
«На вершине пригорка...» ..	60	«Снова день погожий...»	71
«Откукует кукушечка скоро...»	61	Пита	72
«Подарила бубанк...»	62	«Улепetyивают дни...»	73
«Люблю грозу над гладью водоёма...»	63	«Холю резвых коней...»	74
«Медведко – пожизненный узник...»	64	«Я топором взмаюну и кракну...»	75
У памятка		Взрывник	76
«Царь-плотник»	65	«Золотая пора...»	77

Литературно-художественное издание

Клёсов Дмитрий Петрович

ЛЮБО, ДОРОГО...

Редактор В. А. Коврижных

Технический редактор В. И. Труханова

Корректор Т. В. Тулузова

Компьютерная верстка и дизайн обложки В. Загурского

Подписано в печать 26.12.2007. Формат 70х90¹/₃₂. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,93. Тираж 500 экз. Заказ № 858

Издательство «Кузбассвузиздат». 650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7.
Тел. 58-34-48

Дмитрий Клёстов родился в 1942 г. в селе Еятино Беловского района Кемеровской области. После школы-семилетки работал в шахте, служил в рядах Советской Армии. Среднее образование получил в вечерней школе и снова шахте — проходчик, взрывник, горноспасатель. Первые стихи были опубликованы в армянской многотиражке. Печатался в городских и областных газетах, журнале «Огни Кузбасса».

Книжки: «Земная ноша», «Оглянись с большака», «Иродов лог».

Член Союза писателей России. Живет в г. Гурьевске.